

УДК 94(37)

ЮЛИЙ ЛУП: ТРИБУН ИЛИ ЦЕНТУРИОН?

© 2021 Е.А. Гуськов

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

Статья поступила в редакцию 25.05.2021

Убийство императора Гая (Калигулы) в январе 41 г. стало прологом к невиданным в истории принципата событиям. На протяжении двух дней Рим, охваченный идеей восстановления республики, находился под управлением консулов, сената и офицеров преторианской гвардии. По решению преторианского трибуна Кассия Хереи, который был главой заговорщиков, были убиты и члены семьи императора – его вдова Цезония и дочь Юлия. Исполнителем этого задания стал один из офицеров гвардии Юлий Луп, которого Иосиф Флавий называет трибуном, а Светоний – центурионом. Данная статья посвящена этому противоречию и причинам его появления в источниках.

Ключевые слова: преторианский трибун, префект претория, Кассий Херея, Юлий Луп, просопография.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-2-45-57

Юлий Луп вошел (впрочем, это как раз тот случай, когда можно сказать «попал») в историю всего лишь в связи с одним событием. 24 января 41 г. во время празднования Палатинских игр был убит император Гай (Калигула), а вечером того же дня заговорщики, главой которых были преторианские трибуны Гай Кассий Херея и Корнелий Сабин, приняли решение ликвидировать и его семью. На выполнение этого задания был отправлен некий Юлий Луп (PIR². J. 388), который зарубил мечом безутешную вдову Цезонию Милонию и разбил о стену ее приблизительно годовалую дочь Юлию Друзиллу¹. Выполнение этого кровавого задания – единственное, чем прославился Луп. Вскоре он был казнен (обезглавлен) вместе с Хереей по приказу нового императора – Клавдия. При этом наши источники путаются: согласно Иосифу Флавию (Ios. Ant. 19. 2. 4), Луп был трибуном (χιλιάρχος); Светоний же, не называя имен, говорит, что Цезонию убил центурион (Cal. 59: a centurione confossa). Вот, собственно, и все, что у нас есть.

Гуськов Евгений Александрович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, международного права и зарубежного регионоведения. E-mail: megistos@yandex.ru

Заговор, оборвавший жизнь Гая Калигулы, является одним из самых детально описанных заговоров во всей римской истории, поспорничать с которым мог бы, пожалуй, лишь заговор Катилины. Современный нарратив о заговоре Кассия Хереи складывается из трех источников, главным из которых выступает 19-я книга «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, увидевшая свет примерно через 50 лет после описанных в ней событий. Иосиф не только сообщает имена заговорщиков, но и дает самый подробный отчет о том, как формировался состав заговора, как менялись планы заговорщиков и как они осуществлялись. Оставшиеся два источника гораздо менее информативны. Младший современник Иосифа Светоний в большей степени сосредоточен на обстоятельствах убийства Гая, нежели на подготовке заговора (Cal. 56–59; Claud. 10. 1 – 11. 1). В отличие от иудейского автора, который постарался из разрозненных и противоречащих друг другу сведений выстроить единую, связную и непротиворечивую картину, Светоний приводит данные «как есть», не пытаясь согласовать их между собой. Так, он прямо говорит, что ему известно две версии того, как было осуществлено убийство Калигулы

(*duplex dehinc fama est...*), и отдает их на суд читателей, намекая, впрочем, на то, что подготовка заговора у всех его информаторов была описана примерно одинаково (*Cal.* 58. 2). Третий автор – Дион Кассий, живший при последних Антонинах и Северах, сообщает некоторые детали, неизвестные другим авторам, но опирался, по всей видимости, примерно на тот же круг источников (59. 29. 1 – 30. 3; 60. 1. 1 – 4; 3. 2–5). О том, откуда они черпали свою информацию, еще предстоит поговорить.

Иосиф Флавий – единственный автор, кто сообщает не только имя убийцы Цезонии и Юлии Друзиллы, но и весьма подробные обстоятельства его казни. Диону Кассию и Светонию Луп либо не был известен, либо, что более вероятно, не представлял интереса: для них фигуры Кассия Хереи и Корнелия Сабина заслонили собою всех остальных участников.

Надо отметить, что, в отличие от других участников этих событий, имена которых Иосиф сообщает иногда в виде только одного когномена², Юлию Лупу относительно повезло: у нас есть почти вся его номенклатура, за исключением *praenomen*. Личное имя Лупа можно попытаться определить косвенно по именам его предполагаемых родственников. В правление Флавиев мы находим несколько человек, чьи имена подозрительно перекликаются с нашим офицером. Тиберий Юлий Луп (PIR². J. 390) был префектом Египта в 72/73 г. (вероятно, с 71 г.). Смерть его, упоминаемая Иосифом Флавием (*V.I.* 7. 10. 4) и Плинием Старшим (*H.N.* 19. 2. 11: *ante Iulio Lupo, qui in praefectura Aegypti obiit*), наступила, скорее всего, весной 73 г.³ В момент назначения на должность египетского префекта Тиберию едва ли было меньше пятидесяти лет⁴, что относит его рождение к 20-м гг. или даже раньше. Еще один – Публий Юлий Луп (PIR². J. 389) – был консулом-суффектом в 97 или 98 г. Известно, что Публий был женат на Аррии Фадилле, вдове ординарного консула 89 г. Тита Аврелия Фульва. По возрасту он был, скорее, сыном Тиберия Юлия Лупа, чем его младшим братом⁵. Считается, что братом Тиберия Лупа был Луций Юлий Урс (PIR². J. 632), префект Египта в 76–78 гг. и префект претория в 81–83/84 гг.⁶, сын которого, Луций Юлий Урс Сервиан (PIR². J. 631),

был консулом в 90, 102 и 134 гг. Нет никаких препятствий считать Тиберия Лупа и Луция Урса сыновьями нашего героя, причем, судя по очередности, в которой оба продвигались по службе, а также по идентичным когноменам Тиберия и офицера времен Гая, именно Тиберий был его старшим сыном. Скорее всего, таковым был и преномен нашего героя, однако утверждать это невозможно⁷.

Если эта генеалогическая реконструкция верна, то наиболее вероятной датой рождения Лупа Старшего является период между 10 и 1 гг. до н.э., причем ближе к верхней границе. На возраст его указывает также то обстоятельство, что сестра Лупа – Юлия – была замужем за префектом претория Марком Аррецином Клементом (*Ios. Ant.* 19. 2. 4), на одной из дочерей⁸ которого – Аррецине Тертулле – был женат будущий император Тит (*Suet. Tit.* 4. 2). Тертулла скончалась, возможно, так и будучи бездетной, приблизительно в 63 г. Принимая во внимание возраст Тита, родившегося в 39 г., появление на свет Тертуллы можно отнести к рубежу 30-х – 40-х гг.⁹, т.е. к тому времени, когда престарелый Клемент состоял в браке с Юлией, а это означает, что почти наверняка первая жена Тита была племянницей Лупа Старшего. Если сестра Лупа в конце 30-х – начале 40-х гг. была в детородном возрасте, то ее рождение датируется самое раннее примерно первым десятилетием новой эры. Таким образом, в 41 г. Лупу было примерно 40–45 лет или чуть больше.

Предки Лупа могли быть связаны с Испанией или, более вероятно, происходили из Италии¹⁰. Семейство его было относительно знатным, раз уж такой состоятельный и перспективный всадник, как Клемент, карьера которого была на подъеме, взял в жены его сестру. В то же время дата заключения этого брака неизвестна, но это не могло случиться позднее конца 38 – начала 39 гг. (если считать их дочь Тертуллу ровесницей Тита), т.е. почти наверняка до назначения Клемента главой гвардии. Его посты до этого момента не демонстрируют ничего экстраординарного. Из одной посвяtitельной надписи мы узнаем, что до назначения главой гвардии Клемент был военным трибуном III Киренаикского и XXII Дейотарова легионов в их совместном

гарнизоне в Никополе близ Александрии и префектом ремесленников (*AE* 1976. 200 = 1978. 333 = 1988. 565). А еще ранее он занимал обычные муниципальные посты дуумвира и триумвира у себя на родине – в Аримине (совр. Римини), являлся членом коллегии авгуров. У него не было большого военного опыта, а особенности его карьеры не позволяют его назвать *vir militaris*, в отличие, например, от многих префектов эпохи Антонинов. Поэтому трудно сказать, что заставило Гая при выборе нового начальника гвардии остановиться на кандидатуре Клемент. Вероятно, в момент вынужденного самоубийства Сутория Макрона в сентябре 38 г. Клемент уже так или иначе был связан с гвардией. Можно допустить, что в последние годы Тиберия и/или при Гае Клемент был трибуном одной из преторианских когорт¹¹ и сумел каким-то образом обратить на себя внимание молодого принцепса. В любом случае Клемент был первым в своей семье, кто достиг столь высокого положения.

Осознавая, что его новая служба может оказаться залогом успеха его рода, Клемент исправно нес службу. Именно под его руководством было разоблачено несколько заговоров против императора в 39–40 гг. Дознание, по крайней мере по одному из таких дел, вел впоследствии знаменитый Кассий Херея¹². Однако все изменилось, когда Клемент вместе с Каллистом оказались под подозрением Гая в связи с делом Секстия Папиния (*Dio Cass.* 59. 25. 7–8 = *Zonar.* 11. 6). Осенью 40 г. начал складываться новый заговор, состав которого был значительно шире и внушительнее всех предыдущих. В него оказалось вовлечено немало влиятельных людей – сенаторов, родственников и вольноотпущенников Гая¹³. Особенно серьезным для Гая оказалось участие представителей высшего офицерского состава гвардии – префектов, трибунов и центурионов¹⁴. Душой и главными действующими лицами его, по общему мнению, были трибуны Кассий Херея и Корнелий Сабин. Клемент же, в целом одоблив идею, остался в стороне, сославшись на свой преклонный возраст (*Ios. Ant.* 19. 1. 6).

Благодаря тестю, с самого начала посвященному в замыслы заговорщиков, Юлий Луп наверняка был в курсе готовящегося покушения и даже, возможно, стал «представителем» префек-

та в Komplote. Насколько известно, в убийстве императора он не принимал никакого участия, хотя в тот момент, возможно, находился поблизости¹⁵. Заговорщики заблаговременно распределили между собой участки предполагаемого маршрута Гая (*Ios. Ant.* 19. 1. 14), и нападение на него произошло не в зоне ответственности Лупа. Все античные авторы называют имена только двух прямых убийц императора – Хереи и Сабина; имена еще двоих сообщает Иосиф: во-первых, некий Аквила (19. 1. 14), идентифицируемый как сенатор М. Аррунций Аквила Юлиан¹⁶; во-вторых, Винициан (19. 4. 3), причем по поводу последнего постоянно проскальзывает, но напрямую не озвучивается мысль, что именно он был главным убийцей или как минимум главным инициатором всего дела (особенно: 19. 1. 19). Поблизости был и бывший консул П. Ноний Аспренат, но он, скорее всего, не был напрямую причастен к убийству. По контексту античных описаний очевидно, что перечень убийц в действительности этим не ограничивался. Светоний педантично замечает, что на теле убитого насчитали тридцать ран (*Cal.* 58. 3) – даже больше, чем у Цезаря, в убийстве которого участвовало более 20-ти человек. (*Suet. Iul.* 82. 2). Где был Клемент, не сообщает никто, но по своей прямой обязанности он должен был сопровождать императора.

Современные исследователи, в отличие от античных авторов, склонны рассматривать Херею и Сабина как пешек, которыми с самого начала ловко манипулировали более могущественные люди – Винициан, Азиатик, отчасти Клемент. Однако сохранившиеся описания событий 24–25 января 41 г. демонстрируют, что после убийства Гая, несмотря на уступку первенства консулам, Херея все же был самостоятельным актором, цели и методы которого не во всем совпадали с сенаторами.

На протяжении двух дней в Риме «царила» республика. Еще готовя заговор, Херея прямо говорил о том, что его целью является восстановление исконной свободы (*Ios. Ant.* 19. 1. 6), и он, действительно, сделал все, чтобы воплотить свой замысел. Убив тирана, Херея не только не стал искать ему замену, но и предпринял все доступные меры, чтобы не допустить аккламации

нового императора. Впервые за несколько десятилетий пароль для дежурного караула давали консулы. В распоряжении сената оказались четыре когорты (*Ant. 19. 2. 3*), которые Светоний уверенно определяет как городские (*Suet. Claud. 10. 3: consules cum senatu et cohortibus urbanis*)¹⁷.

Решение об уничтожении семьи Гая было принято после сенатского заседания (*Ant. 19. 2. 4*), т.е. поздним вечером - ночью 24 января, в тот момент, когда Клавдия уже увели в преторианский лагерь для аккламации. Иосиф Флавий уверяет, что инициатива в этом деле принадлежала почти исключительно Кассию Херее, который «полагал, что все остающиеся в живых члены семьи его (т.е. Гая. – прим. Е.Г.) могут быть причиной гибели города и законов» (пер. Г.Г. Генкеля). Это довольно странно, хотя бы потому что Херея фактически ранее сам передал инициативу в руки консулов, а теперь взял на себя решение вопроса государственной важности. По рассказу Иосифа получается, что на собравшемся после сенатского заседания совете Херея продавил смертный приговор, вызванный личной ненавистью к родне Гая и любовью к свободе. Это неправдоподобно. Само собой, никаких юридических оснований для наказания членов семьи Гая не было¹⁸. С политической подоплекой тоже не все понятно. Бездетный в трех браках Гай выбрал себе в жены Цезонию, не блиставшую ни красотой, ни умом (*Suet. Cal. 25. 3–4*), скорее всего, из-за плодовитости, но не родовитости ее матери¹⁹. Ни при каком раскладе Цезония не могла стать ни самостоятельной правительницей Рима, ни регентшей при малолетней дочери. В немонархическом обществе, каковым пока еще был Рим, власть не могла институционализироваться в отрыве от традиционных (республиканских) магистратур, которые женская часть императорского семейства по определению занимать не могла. Слова Хереи, если только цитата Иосифа претендует хоть на какую-то историчность, намекают на опасность сплочения вокруг Цезонии той части нобилитета, что была тесно связана с Юлиями-Клавдиями. Четвертая жена Гая потенциально могла опереться на могущество своих родственников²⁰. Ее поддерживал, вероятно, и чрезвычайно влиятельный Луций Вителлий, отец будущего императора, покровитель других

детей Вистилии²¹. В то же время эта условная партия не была монолитной. Например, сводный брат Цезонии Квинт Помпоний Секунд деятельно поддерживал заговорщиков, хотя нам и не известно, когда он к ним присоединился. Децим Валерий Азиатик, выдвинувший себя претендентом на место убитого, явно не разделял республиканских идеалов Хереи и Сабина. То же можно сказать и о Каллисте, сделавшем ставку на Клавдия еще до устранения Гая.

Представляется, что руками Хереи в данном случае двигали те, для кого семейство Гая было прямым конкурентом или прямой угрозой для осуществления собственных планов. По-видимому, казнь Цезонии и Друзиллы была частью более глобального замысла ликвидировать родственников императора, так как, по свидетельствам Диона Кассия (60. 3. 4) и Светония (*Claud. 11. 1*), во время следствия выяснилось, что Херея намеревался устранить и Клавдия. Для «республиканцев» семья Гая выступала символом императорского режима, и Херея, поставивший целью восстановление республики, решил устранить и их тоже, чтобы «ликвидировать *auctoritas*, идущую от Цезаря и Августа»²². В качестве дополнительного мотива устранения Цезонии Иосиф Флавий привел распространенное в народе мнение, будто именно она была причиной безумств Гая (*Ant. 19. 2. 4; Suet. Cal. 50. 2*). Вероятно, именно этими двумя соображениями Херея объяснял своим сообщникам необходимость устранения вдовы императора. Это неоднозначное решение вбило клин между заговорщиками. Вряд ли Секунд поддержал убийство своей сестры. Очевидно, и Корнелия Сабина, несмотря на весь его республиканизм, не прельщали далеко идущие планы Хереи, направленные на уничтожение в т.ч. и невинных людей.

Исполнение казни Херея поручил неизвестному нам прежде по рассказу Иосифа *хилиарху* Юлию Лупу. Светоний, как уже было отмечено, говорит, что это задание выполнил центурион. Независимо от звания кандидатура Лупа по своему логична. Сам Херея объяснял свой выбор тем, что хотел, предоставив Лупу ответственное задание, дать ему шанс разделить со всеми участниками заговора славу; в то же время трибун явно преследовал и гораздо более прак-

тичную цель – Луп был важен из-за его тестя, высокое положение и авторитет которого могли придать больший вес действиям заговорщиков; вдобавок Херея планировал сильнее привязать нерешительного Клемента к заговору (*Loc. cit.*).

Большинство современных исследователей признают Юлия Лупа именно трибуном, отдавая предпочтение Иосифу как наиболее информативному автору. Вдобавок от Иосифа, в свое время предводительствовавшего отрядами мятежных иудеев, обычно ожидают более аккуратного отношения к военной терминологии, чем от Светония, не соприкасавшегося с военной службой совсем. В одной из предыдущих своих работ, разрешая данное противоречие, я отдал предпочтение варианту Светония на основании отношений субординации между трибуном Хереей и Лупом, выполнявшим его поручение²³. Это противоречие невозможно решить простым допущением, что Иосиф и Светоний имеют в виду разных людей и разные уровни исполнения приказа: мол, задача была возложена на трибуна, который выполнил ее руками одного из центурионов. И у того, и у другого автора убийца Цезонии был один, а Иосиф еще и конкретизирует, что Цезония «мужественно пала от руки Лупа...» (*Ant.* 19. 2. 4; пер. Г.Г. Генкеля), а не кого-то из его подчиненных²⁴. Контекст, в котором упоминается Луп, не позволяет определить его функционал и положение в иерархии преторианских чинов. С Кассием Хереей таких проблем нет. Даже если бы возникло похожее противоречие, его легко устранило бы то обстоятельство, что Херея неоднократно получал пароль для дежурной когорты непосредственно от императора, что входило в обязанности трибуна. Аналогично обстоит дело и с Корнелием Сабиним, о котором известно, что он по крайней мере один раз также получал пароль (*Suet. Cal.* 58. 2). Луп же появляется с этой точки зрения в неопределенных обстоятельствах: он взаимодействует только с заговорщиками²⁵, с которыми он был связан, естественно, личными отношениями или альтернативной, возникшей в рамках заговора и не обязательно совпадающей с официальной, иерархией – как и в любом сообществе без легального статуса.

Если считать, что последовавшее затем от Клавдия наказание заговорщиков коррелиро-

вало с их ролью в убийстве Гая и его семьи (а в этом вряд ли могут быть сомнения), то надо признать, что вина Лупа была столько же тяжелой, как и самого Хереи, главного зачинщика всего случившегося. Они были казнены, во-первых, для примера и, во-вторых, оттого, что планировали умертвить и Клавдия (*Suet. Claud.* 11. 1: *exempli simul causa et quod suam quoque caedem depoposcisse cognoverat*; cf. *Ios. Ant.* 19. 4. 5), хотя последнее, возможно, применимо не ко всем из них. Оба автора сообщают о том, что Клавдий казнил не только Херею и Лупа, но и еще несколько человек: «целый ряд римлян» (по Иосифу) или, по Светонию, несколько трибунов и центурионов (*Claud.* 11. 1: *tribunis modo ac centurionibus paucis e coniuratorum in Gaium numero interemptis*). По логике Светония, Луп входит во вторую группу, по мысли Иосифа – в первую. Под «трибунами» точно подразумевается Херея и кто-то еще, но определенно не Сабин, поскольку он был прощен Клавдием и даже оставлен в прежней должности (правда, Светоний не сообщает таких тонкостей). Если допустить, что сюда же включен Луп, то остаются неизвестными «центурионы». В то же время использование множественного числа Светонием не является гарантией того, что центурионов на самом деле было много, ведь он любит, возможно, не отдавая себе в этом отчета, превращать единичные случаи в постоянно повторяющиеся и закономерные (*Iul.* 98; *Tib.* 65. 2)²⁶.

Если Луп выполнял приказ Хереи, то он должен был быть центурионом его когорты. Однако вопросы воинской субординации не работают в таком щекотливом деле, подразумевавшем нарушение воинской присяги. Херея использовал вовсе не официальные свои полномочия, а отправил на задание или просто наиболее доверенных своих людей, или тех, в чьем участии был заинтересован и кто дал свое добровольное согласие. В этом случае воинская иерархия не играла значительной роли и не является показателем соотношения рангов взаимодействующих лиц. На это намекает и то, что Клавдий позднее приговорил к смерти только Херею и Лупа, но не Корнелия Сабина, как и Херея, участвовавшего в убийстве Гая, но не причастного, в отличие от Лупа, к расправе над семьей Гая. Согласно Иоси-

фу, идею о ликвидации родственников Гая высказывал именно Херея, а Луп был всего лишь исполнителем.

Большинство участников заговора новый принцепс не стал трогать: общее число тех, кого подвергли смертной казни, было небольшим, а многих вообще никак не наказали. Сохранил свой пост Клемент, который по долгу службы должен был первым защищать императора²⁷. Анний Винициан даже Аквилу, нанесшего Гаю смертельный удар, Клавдий всего лишь сослал в Патавий²⁸. А Луп и Херея были казнены (19. 4. 5. 267-269). Что касается главарей заговора, то наказание Хереи кажется логичным и неизбежным, а реабилитация Сабина – удивительной и непонятной. Возможно, переметнувшись к Клавдию в последний момент участники совета, на котором было решено убить Цезонию, проинформировали его о том, кому принадлежала инициатива в этом вопросе. Надо полагать, Сабин тогда не поддержал Херею или имел влиятельных покровителей. Казнь Лупа на фоне помилования Сабина, непосредственного убийцы императора, недвусмысленно говорит, что Луп чем-то выделялся из числа остальных заговорщиков. Таким образом, участия в заговоре и даже собственноручного убийства императора было недостаточно для смертного приговора. Что же тогда погубило Лупа? Винициан, Виниций и Азиатик были слишком могущественными, и Агриппа посоветовал Клавдию не начинать правление с казни сенаторов. А вот с гвардейскими офицерами все было проще, поскольку они были полностью подчинены императору и обладали сравнительно невысоким социальным статусом. Будучи трибуном, Луп мог смело проигнорировать слова Хереи, который не имел права что-то ему приказывать; при таком раскладе равный с Хереей статус был отягчающим обстоятельством. С другой стороны, Луп вполне мог быть лишь одним из шести центурионов из когорты Хереи, которому, в отличие от его более удачливых соратников, удалось проявить больше рвения при исполнении приказа, из-за чего его имя чаще других всплывало во время дознания.

Точку в этом вопросе могло бы поставить только установление источника (или источни-

ков), откуда Иосиф Флавий и Светоний черпали свою информацию. Возможно, расхождение связано с неправильным пониманием термина, обозначающего звание упомянутых героев, при их переводе с латыни на греческий или наоборот.

И вот тут-то самое интересное. Сразу же бросается в глаза, что нарратив о событиях января 41 г. складывался из нескольких различных по своему характеру источников, в которых были по-разному расставлены акценты на подготовке и осуществлении замысла заговорщиков и были представлены различающиеся конфигурации действующих лиц и даже сам их состав. Эти нюансы отражают особенности происхождения данной информации. Весь нарратив, окружающий заговор против Калигулы и его убийство, очень похож на своего рода компромисс взглядов противоборствующих сил, столкнувшихся в январе 41 г. и сводящих друг с другом счеты после завершения всего.

Уже давно считается, что первоисточником для большинства античных авторов, включая Иосифа Флавия, Тацита (разделы «Анналов» которого о правлении и смерти Гая утеряны), Светония и Диона Кассия, была не дошедшая до нас хроника Марка Клувия Руфа, игравшего заметную роль при дворе Клавдия и Нерона²⁹. По крайней мере в одном случае Руф мог быть единственным источником для Иосифа (Ios. Ant. 19. 1. 13. 91-92). Обычно Руфа считали слабым историком³⁰, поскольку именно ему приписывали ответственность за морализаторские сентенции у ряда античных авторов (в частности, у Плутарха и Тацита). Однако в последнее время эта точка зрения была сильно поколеблена³¹. Появилась тенденция к «реабилитации» его как историка. Вероятно, Руфу и принадлежит первое и самое полное описание подготовки к убийству и убийства Калигулы. Какова была его собственная роль во всем этом – мы не знаем, но он точно был осведомлен о планах заговорщиков и даже знал дату «дня X».

В то же время последующая традиция черпала сведения не только у Руфа. Информатором Иосифа был также, по всей видимости, Агриппа II, сын и наследник Агриппы I, который, сыграв роль посредника между сенатом и Клавди-

ем, способствовал мирному транзиту власти. В какой-то мере именно младшему Агриппе мы обязаны таким глубоким и нехарактерным для Иосифа погружением в римские дела не только в отношении рассматриваемых событий, но и, например, при описании заговора Сеяна.

Значительный пласт общего нарратива о событиях января 41 г. восходит к императорским вольноотпущенникам: какая-то часть информации была на совести Палланта – известного и могущественного либертина, принимавшего деятельное участие в дворцовых интригах в 40-х – начале 50-х гг. I в., с которым, кстати, поддерживал тесные отношения Агриппа Младший, собеседник Иосифа³²; среди информаторов можно назвать и Каллиста, который точно был в курсе, по крайней мере части плана заговорщиков, и через него (а может, и не только через него) о заговоре знал в той или иной мере и Клавдий³³; часть той информации, что была в распоряжении Тацита, восходила к воспитателю Британника Сосибью (*Tac. Ann.* 11. 1)³⁴.

Среди возможных источников для Иосифа, Светония и Диона Кассия, помимо вышеуказанных, назывались также Сенека Младший, Плиний Старший, Плутарх и др.³⁵ Высказывалась мысль и о существовании отдельных монографий о Кассии Херее³⁶. Что касается Плутарха, то его вклад в этот нарратив был минимальным. Он сам зависит от Руфа при описании событий 68–69 гг., свидетелем которых был лично, а уж про еще более ранние дела и говорить не приходится. Поэтому, даже если в не дошедшей до нас биографии Калигулы греческий автор и представил детальное описание его убийства и всего, что с ним было связано, он все равно не был самостоятельным источником и опирался на Руфа. Сенека не был замечен за написанием истории своего времени, но отзывался на события мимоходом в своих письмах и трактатах, поэтому его использовали максимум для уточнения каких-то деталей.

То, что сегодня нам известно о подготовке к убийству Калигулы, является информацией из «вторых» и только в трех случаях (Клувий Руф, Каллист и Агриппа) – из «первых рук», дополняемой отрывочно другими показаниями. Каллиста точно не было на совете вечером 24 января,

когда Луп получил свое «историческое» задание. В отличие от Хереи и некоторых сенаторов, Каллист не был подвержен республиканским идеям и с самого начала рассматривал Клавдия как наиболее вероятного кандидата на смену Гаю. Он и держал Клавдия в курсе дела, пока шла подготовка к убийству, а затем сразу же оказался в преторианском лагере, как только узнал об аккламации Клавдия. А Клувий Руф никогда и не был активным заговорщиком, поэтому его описание вечернего совета в день убийства является его реконструкцией по рассказам других. Агриппа сразу принял сторону Клавдия и в те два дня курсировал между Капитолием и преторианским лагерем за Виминалом.

Таким образом получается, что, во-первых, первоисточник и Иосифа, и Светония в любом случае был латинским, а во-вторых, оба автора находятся в одинаковой позиции по отношению к нему. Наши источники, хоть и отличаются некоторыми деталями³⁷, с завидным упорством выгораживают префекта Клемента, отводя ему всего-навсего роль пассивного наблюдателя, за спиной которого действуют его подчиненные – Херея и Сабин. Лишь Иосиф, мало связанный родством и дружбой с римским нобилитетом, называет остальных заговорщиков по именам, в то время как Светоний и Дион, каждый в свое время занимавший определенное место при императорском дворе (а Дион еще и в сенате), предпочитают туманные формулировки: «...*non defuit plerisque animus adoriri*» (*Suet. Cal.* 56. 1), «*conscios centuriones*» (58. 2), «*a centurione confossa*» (59), «*coniurati cuiquam imperium destinaverunt*» (60), «*συνώμοσαν μὲν γὰρ πλείονες καὶ συνήδεσαν τὸ πρᾶττόμενον*» (*Dio Cass.* 59. 29. 1), «*πάντες τε ὡς εἰπεῖν οἱ περὶ αὐτὸν ὑπὲρ τε σφῶν καὶ τῶν κοινῶν ἐκινήθησαν*» (59. 29. 1a) и т.д. Иосиф, скорее всего, лично знал младшего Клемента, а также братьев Тиберия Юлия Лупа и особенно Луция Юлия Урса, которые были в фаворе при Флавиях: первый – до своей внезапной смерти в 73 г., а последний – по крайней мере до 84 г., но почти наверняка и позднее³⁸. Светоний наверняка так или иначе знал Урса, который в момент смерти Гая был подростком и, может быть, даже краем уха слышал какие-то обрывки переговоров своего отца в те дни. Еще лучше он должен был

знать Сервиана. Тем не менее едва ли Урс и Сервиан были среди главных источников и у того, и у другого автора. К тому времени, когда Иосиф приступил к своему труду, вокруг убийства Гая уже сложился почти канонический нарратив благодаря сочинению Клувия Руфа, представившего Херею в образе бескорыстного, пусть не лишённого личных, приземленных мотивов, героя с обостренным чувством справедливости, на котором лежала вся ответственность за случившееся. Скорее всего, уже у склонного к драматизму Руфа остальные заговорщики оказались в тени трибуна. Кроме того, сам причастный к убийству Руф был заинтересован в том, чтобы вина остальных участников выглядела менее тяжелой. Эти два обстоятельства усилили роль казненных и приуменьшили роль всех остальных в нарративной традиции. Слова Урса/Сервиана могли добавить лишь небольшие штрихи в созданную ранее легенду. Звание отца/деда он должен был знать лучше, чем кто бы то ни было. В отличие от Светония, важным дополнением к рассказу Руфа для Иосифа служили свидетельства Агриппы, который едва ли вообще знал Лупа. Впрочем, возможно, именно Агриппа советовал нерешительному Клавдию выборочно наказать убийц Гая, т.е. предопределил судьбу в том числе и Юлия Лупа. Именно тогда впервые должность и звание Лупа стали иметь какое-то значение для новой власти.

Какой вывод напрашивается из всего сказанного? К сожалению, однозначного ответа дать не получится, пока мы не узнаем, у кого именно античные авторы заимствовали эту информацию. Но... версию Светония нельзя отвергнуть так запросто, как это обычно делается. Его источники были так же хороши, как и у Иосифа Флавия. И вдобавок к этому у Светония было одно преимущество: он лучше Иосифа знал латынь и был избавлен от необходимости подбирать эквиваленты для римских военных терминов. Весь вопрос в том, не было ли ошибки в его источниках?

Принятые сокращения

AE – L'Année épigraphique. Paris.

CIL – Corpus inscriptionum latinarum. Berolini.

EJ – Documents illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius. Ed. V. Ehrenberg and

A. H. M. Jones. 2nd ed. Oxford, 1955.

HEp. – Hispania Epigraphica. Online Database.

ILS – Hermann Dessau. Inscriptiones latinae selectae. 3 vols. in 5 partes. Berlin, 1892–1916.

P. Oxy. – The Oxyrhynchus Papyri: in 85 vols. London, 1898–...

PIR² – Prosopographia Imperii Romani. Editio secunda.

SEG – Supplementum epigraphicum Graecum: in 64 vols. Leiden – Amsterdam–London, 1923–...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об имени дочери Гая и Цезонии см.: Dio Cass. 59. 28. 7; Suet. Cal. 25. 3-4. О дате ее рождения см. Wardle D. Caligula and His Wives // Latomus. 1998. Vol. 57, № 1. P. 122 ff.

² Об этой особенности репрезентации имен у Иосифа см. Kavanagh B.J. The Identity and Fate of Caligula's Assassin, Aquila // Latomus. 2010. Vol. 69, № 4. P. 1008-1009.

³ Campbell D.B. Dating the Siege of Masada // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1988. Bd. 73. S. 57. Во всяком случае последнее упоминание о нем в папирусах относится к февралю - марту 73 г. (SEG XX. 651; P. Oxy. 22. 2349), и в этом же году новым префектом стал Валерий Паулин, который обычно отождествляется с прокуратором Галлии в 69 г. (Tac. Hist. 3. 43). См. Jones Ch.P. Egypt and Judaea under Vespasian // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1997. Bd. 46, h. 2. S. 249.

⁴ Поскольку в это время египетская префектура была высшим всадническим постом в Империи, назначались на нее только опытные и проверенные люди; а если прибавить сюда и то обстоятельство, что в I в. службе в Египте иногда предшествовало отправление обязанностей преторианского префекта (правда, не в случае Тиберия Юлия Лупа), пост которого обычно занимали лица в возрасте 50-70 лет, то эта возрастная планка перестает выглядеть чисто умозрительной. На посту египетского префекта Луп сменил Тиберия Юлия Александра, одного из самых доверенных людей Веспасиана, сменил в тот момент, когда положение Флавиев еще не было устойчивым. Понятно, что Веспасиан, занятый укреплением своих позиций, в первую очередь отдавал предпочтение родственникам, но для такой стратегически важной провинции, как Египет, одного этого критерия было недостаточно, а значит, Луп помимо того, что просто несколько лет назад был шурином Тита, считался подходящим для та-

кой ответственной задачи. Вероятно, доверие со стороны Веспасиана было вызвано тем, что Луп как-то проявил себя во время бурных событий 69 г. Можно предположить, что Луп в это время был в Азии. Во всяком случае, об этом свидетельствует дедикация из Эфеса в честь Геркулеса, сделанная по обету одним из его рабов – Эперастом (*CIL* III. 14195). Луп, видимо, сразу присоединился к партии Веспасиана, как только стало известно о его аккламации в июле 69 г., если не раньше.

⁵ Судя по дате консулата, Публий родился не позднее середины 40-х гг., что хорошо согласуется с возрастом Тиберия Лупа, которого, таким образом, можно с высокой долей уверенности считать его отцом. Вероятно, потомком – сыном или внуком – Публия Лупа был Гай Юлий Луп Тит Вибий Вар Левилл, служба которого проходила при Адриане (*PIR*². J. 391). Это сложное имя получилось, несомненно, из-за желаний соединить имена обоих семейств. Если этот Гай был младшим сыном Публия Лупа, тогда Публий был женат на дочери Тита Вибия Вара, Вибии, а если внуком – возможны несколько вариантов, включая и такой, что Гай Юлий Луп мог вовсе и не быть кровным родственником Публия, а являться ребенком, усыновленным его неизвестным нам сыном, из семьи Вибия Вара. Правда, последовательность имен в его номенклатуре делает этот вариант маловероятным.

⁶ Подробнее см. *Magioncalda A. La carriera di L. Iulius Ursus e le alte prefetture equestri nel I sec. D.C. // Cahiers du Centre Gustave Glotz. 2012. Vol. 23. P. 113-129.* Юлий Урс возглавлял гвардию в момент разлада между Домицианом и Домицией Лонгиной, сыграв некоторую роль в их примирении; впоследствии чуть не был казнен, но с помощью Юлии, дочери Тита, вернул расположение императора.

⁷ Есть несколько причин, почему нельзя установить точный преномен нашего офицера. Во-первых, наследование преномена отца старшим сыном далеко не всегда имело место. Во-вторых, нельзя быть уверенными в том, что мы знаем всех детей Лупа: Тиберий мог и не быть старшим. Третье препятствие – самое маловероятное, однако все-таки возможное: убийцы Гая могли быть подвергнуты проклятию памяти (*damnatio memoriae*). В этом случае членам их семей могли запретить носить личные имена убийц, как это уже случалось ранее, например, с Марком Антонием, противником Октавиана (*Dio Cass. 51. 19. 3*), и Гнеем Пизоном, предполагаемым виновником смерти

Германика (*Tac. Ann. 3. 17*). Тогда Лупа могли звать как угодно, но не Тиберием. Однако информация о проклятии памяти заговорщиков отсутствует. Кроме того, известно, что римляне без утайки отмечали память Кассия Хереи, главного виновника смерти императора, что было бы невозможно, если бы тираноубийц прямо осудили сенатским решением (*Ios. Ant. 19. 4. 6*). Впрочем, это поминовение случилось спустя всего несколько дней после его казни, а декрет о проклятии мог выйти позднее.

⁸ Вторая дочь, имени которой мы не знаем (по реконструкции – Аррецина Клементина), позднее выйдет замуж за племянника Веспасиана – Тита Флавия Сабина, консула в 69 и 72 гг. Сын префекта М. Аррецин Клемент Младший (*PIR*². A. 1072) в начале 70 г. был назначен новым главой гвардии на смену Аррию Вару (*Tac. Hist. 4. 68*). Клемент занимал эту должность, по крайней мере, до прибытия Веспасиана в Рим, а то и до триумфального возвращения Тита. Младший Клемент дважды был консулом – в 73 и 85 гг., а в промежутке между консульствами (по наиболее распространенной оценке, в первые годы правления Домициана) – пропретором Испании (*Passerini A. M. Arrecino Clemente // Athenaeum. 1940. Vol. 18. P. 149 segg.; Garzetti A. From Tiberius to the Antonines: A History of the Roman Empire AD 14-192. London, 2014. P. 629*). В посвятельной надписи *AE 1947. 40* он назван также городским претором (*praet. urb.*), но это, вероятнее всего, ошибка. Если судить по последовательности этапов его *cursus honorum*, Клемент должен был занимать городскую префектуру (*praef. urb.*). Об этой возможности см. *Jones B.W., Develin R. M. Arrecinus Clemens // Antichthon. 1976. Vol. 10. P. 79-83.*

⁹ Верхней датой служит 41 г. (смерть Клемента). Об этом – далее.

¹⁰ Если считать, что географический разброс памятников, связанных с семейством Лупа, отражает расположение их владений и мест несения публичных обязанностей, то получается следующая картина. Во-первых, Рим и Италия: 1) относящаяся ко второй половине I в. стела Кассия, раба Тиберия Юлия Лупа, в честь другой рабыни – Евтихии Саллюстии Луканы, умершей в возрасте 13-ти с половиной лет (*Steinby E.M. La necropoli della via Triumphalis. Il tratto sotto l'Autoparco Vaticano. Roma, 2003. P. 51*), 2) группа кирпичных клейм, относящихся в основном к первой половине II в. и связанных с поместьями жены Публия Лупа, Аррии Фадиллы, и некоего Юлия Лупиона (*Iulius Lupio*) (*CIL XV. 76; 77; 78; AE 1907. 87; 1912. 103*

и др.). Этот «маленький Луп» был *offinator* ее «завода» (Bloch H. The Serapeum of Ostia and the Brick-Stamps of 123 A. D. A New Landmark in the History of Roman Architecture // American Journal of Archaeology. 1959. Vol. 63, № 3. P. 231). Свое имя этот либертин получил от второго мужа Фадиллы – Юлия Лупа. Поскольку сам консуляр здесь не упоминается, то эти поместья, несомненно, были ее личными владениями, перешедшими впоследствии к ее детям, в т.ч. и от Лупа. Таким образом, эти владения не входили в первоначальный «домен» Лупов. Во-вторых, Эфес в Азии: упомянутое выше посвящение Эпераста (CIL III. 14195). В-третьих, Воредда (Старый Перинф) в Британии: посвящение Марсу Белатукадру и нуменам Августов от Юлия Августала, который был *actor Iul(i) Lupi pr(a)efecti* (CIL VII. 318). Возможные датировки этой дедикации – 161/169, 177/180, 195/209 гг. или позднее. Упомянутая здесь префектура, вероятно, означает всего лишь командование когортой. По крайней мере ни одну из великих или малых префектур Лупы во второй половине II в. вроде бы не занимали. В-четвертых, Петовион в Верхней Паннонии: здесь единственный памятник – фрагмент камня с надписью *C. Iu(li) Lu(pi/pionis?)* (CIL III. 4678). В-пятых, Испания: 1) датируемая второй половиной II в. посвятельная стела из Дертосы Тарраконской Испании (совр. Тортоса) Юлии Нимфидии, которую она воздвигла *patrono indolge[n]stissimo* Юлию Лупу (CIL II 2/14. 808 = HEр. 1994. 876); в тексте этот Луп назван севиром (секстумвиром) августалом (ll. 2-3); 2) в Августе Эмерите в Лузитании (совр. Меридида) имеется посвящение, сделанное Юлией Лупой (CIL II. 466); скорее всего, II в. Во времена Антонинов когномен *Lupus* (Волк) особенно часто встречался именно в Испании (Migotti B. The Roman Sarcophagi of Siscia // Arheološki radovi i rasprave (Acta et dissertationes archaeologicae). 2013. Knj. 17. S. 184). По большому счету, за исключением Италии, Испании и, быть может, Азии, все упоминания о Юлиях Лупах связаны так или иначе с временным пребыванием в тех или иных местах по долгу службы. При этом эфесский памятник, хоть и не упоминает общественных обязанностей Тиберия Лупа, вероятно, связан с его поездкой на Восток во время событий 69 г. Таким образом, остаются Италия и Испания, при этом самые ранние памятники находятся в Риме. Следовательно, италийское происхождение Лупов является наиболее вероятным. В то же время Испанию не стоит списывать совсем со счетов. Их при-

сутствие в Испании могло быть вызвано тем, что потомки Лупа никогда не теряли связей с родиной, даже когда они прочно обосновались в Италии. Быть может, состав заговорщиков отчасти определялся «землячеством». Например, главарь одной из ветвей данного заговора Эмилий Регул тоже происходил из Испании, если точнее – из Кордубы (Ios. Ant. 19. 1. 3. 17). Он неизвестен по другим источникам, но, скорее всего, идентичен Луцию Эмилию Ректу, кузену Сенеки Младшего; видимо, в награду за участие в устранении Калигулы Рект был назначен префектом Египта в 41/42 г. (Kavanagh B.J. The Conspirator Aemilius Regulus and Seneca's Aunt's Family // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 2001. Bd. 50, h 3. S. 379-384).

¹¹ Похожую карьеру демонстрируют Л. Овиний Руф, сын Луция (CIL X. 4872 = ILS 2021 = EJ 242), и М. Вергилий Галл Лузий, сын Марка (ILS 2690 = EJ 245), которые были преторианскими трибунами при Августе и Тиберии. Оба из Венафра (совр. Венафро). Их военный *cursus* находит много параллелей с назначениями Клементы: все трое были дуумвирами (*Ilvir.*) и префектами ремесленников (*praefectus fabrum*), а Вергилий Галл вдобавок ко всему был, подобно Клементу, еще и военным трибуном и состоял в жреческой коллегии.

¹² В частности, дело сенатора Помпедия (Ios. Ant. 19. 1. 5-6).

¹³ Сенаторы и родственники – Луций Анний Винициан, один из лучших друзей принцепса Децим Валерий Азиатик, муж сестры императора (Юлии Ливиллы) и бывший консул Марк Виниций, действующий консул Гней Сенций Сатурнин, консул-суффект Квинт Помпоний Секунд, консуляр Публий Ноний Аспренат, Эмилий Регул (= Рект?), М. Аррунций Аквила Юлиан, Луций Норбан Бальб, Клувий Руф, Ватиний и т. д. Из императорских вольноотпущенников нет сомнений по поводу участия Гая Юлия Каллиста.

¹⁴ В частности, оба преторианских префекта (Марк Аррецин Клемент, имя второго доподлинно неизвестно; по предположению Т. Вайсмана, его звали Л. Аррунций Стелла: Wiseman T.P. The Death of Caligula: Flavius Josephus. Liverpool, 1991. P. 59, 62), как минимум трое из двенадцати преторианских трибунов – Гай Кассий Херея, Корнелий Сабин, Секстий (?) Папиний. Вероятно, к ним примкнули четыре трибуна городских когорт (об этом – см. прим. 17). Имена центурионов неизвестны. Размах заговора и статус его участников были таковы, что германские телохранители, попытав-

- шись было отомстить за смерть своего патрона и даже убив несколько человек (включая Аспрената), которых посчитали виновниками случившегося, отказались от этой затеи, когда увидели полную поддержку действиям заговорщиков среди самых влиятельных лиц государства и части военного гарнизона столицы.
- ¹⁵ Иосиф и Светоний расходятся в том, кто должен был в день убийства принимать пароль для дежурной когорты – Херея (по Иосифу – *Ant.* 19. 1. 14) или Корнелий Сабин (по одной из версий Светония – *Cal.* 58. 2), но в данном случае это не играет большой роли, поскольку из контекста ясно, что трибунов было не менее трех: по крайней мере с Гаем в кафисме и в непосредственной близости от нее находилось несколько трибунов помимо Хереи.
- ¹⁶ *Kavanagh B.J.* The Identity and Fate of Caligula's Assassin, Aquila // *Latomus.* 2010. Т. 69, fasc. 4. P. 1007-1017.
- ¹⁷ Однако, быть может, в источнике Светония не было уточнения, что это были за когорты, а его ввело в заблуждение количество когорт, находившихся на Капитолии вечером 24 - в первой половине дня 25 января, равное составу «городской гвардии». Это число подозрительно равно и числу преторианских трибунов-участников заговора. Гипотетически это могли быть и преторианские когорты, руководимые заговорщиками. Иосиф, кстати, не выделяет этих «просенатских» воинов в особый корпус. По его словам, причиной их поддержки сенату было желание «оставаться совершенно без императора, чем служить тирану» (*Ant.* 19. 2. 3; пер. Г.Г. Генкеля), однако уже через несколько часов они перешли на сторону тех воинов, что принесли присягу Клавдию в преторианском лагере (19. 4. 4). Такое впечатление, что воины этих когорт были не в курсе истинных целей, для которых их привели к сенату. В случае, если это все же были урбаникианцы, причины их поддержки сенату остаются неизвестными. Самое распространенное объяснение – ненависть урбаникианцев к преторианцам, но это не более чем домысел. Кроме этого небесспорного момента нет ни одного свидетельства противостояния преторианских и городских когорт.
- ¹⁸ В правовой и правоприменительной практике римлян преступник сам нес ответственность за свои преступления, наказание не касалось его родственников. Казнь членов одной семьи, конечно, изредка случалась, но за индивидуальные преступления каждого из них. Само собой, бывали и исключения. Из недавних примеров, произошедших всего за девять с небольшим лет до описываемых событий, можно упомянуть уничтожение семьи преторианского префекта Элия Сеяна, которому вменяли подготовку заговора против Тиберия и уничтожение семьи Германика. Тогда жестокая расправа над членами семьи «преступника», даже над его несовершеннолетними детьми, была вызвана тем, что деяния префекта подпадали или были подведены не только под уголовное право, но и под нарушение божественных норм (*ius divinum*). Подробнее см. *Князев П.А.* Гибель семьи Луция Элия Сеяна // *История и историография зарубежного мира в лицах.* 1999. Вып. 4. С. 26-36.
- ¹⁹ *Wardle D.* Caligula and His Wives // *Latomus.* 1998. Т. 57, fasc. 1. P. 123.
- ²⁰ О родном отце Цезонии мы не знаем вообще ничего, но вот ее мать Вистилия, хотя и принадлежала к захудалому семейству, имела многочисленное потомство; среди ее детей будут четыре консула: Кв. и П. Помпонии Секунды, П. Суиллий Руф и Гн. Домиций Корбулон Младший (*Syme R.* Tacitus. Oxford, 1958. Vol. II. P. 788; *idem.* Domitius Corbulo // *The Journal of Roman Studies.* 1970. Vol. 60. P. 34-39; *Vervae F.J.* A Note on Syme's Chronology of Vistilia's Children // *Ancient Society.* 2000. Vol. 30. P. 95-113). Во времена Тиберия отец будущего великого полководца, Корбулон Старший (PIR². D. 141) был ничем не примечательным всадником с неоднозначной репутацией (*Tac. Ann.* 3. 31; *Dio Cass.* 59. 15. 3), за плечами которого была только претура (в 17 г.), а при Гае он печально прославился как доносчик. Нет признаков того, что он пользовался большим влиянием при дворе (*Vervae F.J.* Domitius Corbulo and the Senatorial Opposition to the Reign of Nero // *Ancient Society.* 2002. Vol. 32. P. 182). Младший Корбулон был консулом в 39 г. (скорее всего, с апреля по июнь включительно); о его прямом участии в заговоре против Гая и в последовавших затем событиях неизвестно ничего. Кв. Помпоний Секунд в разгар этих событий был консулом-суффектом (с 7 января 41 г., Гай сложил с себя консульские полномочия накануне) и принимал пассивное участие в заговоре против ее мужа, после убийства которого деятельно проявил себя в политической борьбе на стороне сената, что и стало тормозом для дальнейшей карьеры. Его младший брат Публий, судя по всему, придерживался не столь радикальных взглядов: его карьера при Клавдии пошла в гору.
- ²¹ *Vervae F.J.* A Note on Syme's Chronology of

- Vistilia's Children // *Ancient Society*. 2000. Vol. 30. P. 101 f.
- ²² Циркин Ю.Б. События 41 года в истории принципата // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2008. Вып. 7. С. 226.
- ²³ Гуськов Е.А. Домициан, Домиция Лонгина и Л. Юлий Урс: к истории одного конфликта // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2019. Т. 1. № 4 (4). С. 53.
- ²⁴ Впрочем, некоторые детали описания убийства Цезонии считаются литературной обработкой, а потому требуют осторожности (см., например, *Sheldon R.M. Kill Caesar!: Assassination in the Early Roman Empire*. Lanham – Boulder – New York – London, 2018. P. 264). Возможно, Иосиф позаимствовал у своего источника, склонного к драматургии, и присущие ему условности: Цезония в крови убитого мужа, их лежащая на полу дочь. Если Луп отправился на задание один, то он мог быть единственным источником этого описания, однако трудно поверить в то, что именно на нем лежит ответственность за драматизм этой сцены у античных авторов. В конце концов Луп меньше чем кто бы то ни было был заинтересован в представлении Цезонии несчастной и беспомощной жертвой его жестокости. Если Лупа сопровождали верные люди (центурионы), не попавшие затем в «черный список» Клавдия, то они могли дать показания в процессе расследования. Стоическое отношение Цезонии к собственной участи, возможно, появилось в угоду ее братьям, особенно Публию Помпонию, который при Клавдии был в силе. Тем не менее гораздо проще считать все это домыслом или по крайней мере приукрашением, скорее всего, Клувия Руфа, замеченного в морализаторстве и склонности к аффекту.
- ²⁵ Единственным возможным исключением является взаимодействие Лупа с его жертвой: Цезония, находившаяся подле тела мужа в момент, когда за ней пришел Луп, узнала его и поначалу подумала, что он пришел к ней на помощь, но затем, поняв его истинные намерения, добровольно подставила свою шею под меч. Однако и этот факт мало что нам дает, поскольку жена императора могла с равным успехом знать и центурионов. Вдобавок речь может идти и о том, что Цезония узнала Лупа не по имени, а по чину (по воинским отличиям).
- ²⁶ *Гаспаров М.Л.* Светоний и его книга / Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964. С. 274.
- ²⁷ 25 января 41 г. Клавдий назначил нового префекта – Руфрия Поллиона, который стал коллегой Клемента. Иосиф говорит о назначении Поллиона начальником отряда преторианцев (*Ant.* 19. 4. 5), т.е., строго говоря, трибуном. Однако Иосиф не следует строгой терминологии. Так, ранее он назвал всю гвардию «отборным отрядом войска» (19. 3. 1). О том, что Поллион был назначен префектом, говорит и то, что он имел полномочия отдавать приказы Херее и Сабину. Клемент остался в должности, а его исчезновение из источников вызвано, очевидно, его смертью.
- ²⁸ *Kavanagh B.J.* The Identity and Fate of Caligula's Assassin, *Aquila*. P. 1014 ff.
- ²⁹ *Mommsen Th.* Cornelius Tacitus und Cluvius Rufus // *Hermes*. 1870. Bd. 4, h. 3. S. 295-325.
- ³⁰ *Townend G.B.* The Sources of the Greek in Suetonius // *Hermes*. 1960. Bd. 88, h. 1. S. 98-120.
- ³¹ *Schwartz D.R.* Many Sources But a Single Author: Josephus's Jewish Antiquities // *A Companion to Josephus*. Ed. by H.H. Chapman, Z. Rodgers. Chichester, 2016. P. 40; *Wardle D.* Cluvius Rufus and Suetonius // *Hermes*. 1992. Bd. 120, h. 4. S. 466-482; *Cohen S.J.D.* Josephus in Galilee and Rome: His Vita and Development as a Historian. Leiden, 1979. P. 58-65.
- ³² *Nicols J.* Antonia and Sejanus // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1975. Bd. 24, h. 1. P. 54-55.
- ³³ О том, что Каллист приписывал себе заслугу спасения Клавдия от Гая, замыслившего убить своего дядю, говорит Иосиф, считая, правда, это выдумкой либертина (*Ant.* 19. 1. 10).
- ³⁴ Правда, где Сосибий был в момент перехода принципата от Гая к Клавдию, неизвестно, поэтому трудно сказать, насколько его информация была, что называется, «из первых рук». Весьма вероятно, он знал ее от Каллиста и/или Палланта.
- ³⁵ См. *Scherberich K.* Sueton und Josephus über die Ermordung des Caligula // *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*. 1999. Bd. 142, h. 1. S. 74-83; *Goud Th.E.* The Sources of Josephus 'Antiquities' 19 // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1996. Bd. 45, h. 4. S. 472-482; *Ritter H.W.* Cluvius Rufus bei Josephus? Bemerkungen zu *Ios. ant.* 19, 91f. // *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*. 1972. Bd. 115, h. 1. S. 85-91; *Swan M.* Josephus, A. J., XIX, 251-252: Opposition to Gaius and Claudius // *The American Journal of Philology*. 1970. Vol. 91, № 2. P. 149-164.
- ³⁶ *Scherberich K.* Josephus und seine Quellen im 19. Buch der Antiquitates Iudaicae (*Ant. Iud.* 19, 1-273) // *Klio*. 2001. Bd. 83. S. 134-151.

³⁷ Не ставя цель обозначить все противоречия между античными свидетельствами, остановимся только на тех, которые имеют значение в данном вопросе. В большинстве своем они не являются неразрешимыми. Например, по словам Светония, о заговоре знали оба префекта претория (*Cal. 56. 1: non sine conscientia potentissimorum libertorum praefectorumque praetori*), согласно Диону – только один (*Dio Cass. 59. 29. 1: ὁ ἑταρῆος*), имени которого он не уточняет. Может быть, Дион просто имеет в виду более активного участника, по сравнению со вторым префектом. Кстати, знал ли вообще Дион о существовании второго префекта во времена Гая – большой вопрос. Иосиф и Светоний не согласны между собой в том, чья тога была забрызгана кровью жертвенного животного – самого Гая, который совершал жертвоприношение (*Suet. Cal. 57. 3*), или стоявшего рядом с ним Аспрената (*Ios. Ant. 19. 1. 13*). Об этом противоречии и о его причинах см. *Woods D. Caligula, Asprenas, and the Bloodied Robe // Mnemosyne. 2018. Vol. 71, issue 5. P. 873-880*. Впрочем, это мелочи. Исследователи предполагают, что в античном нарративе существовали куда более глобальные расхождения. В частности, считается, что версии Иосифа Флавия и Тацита могли очень сильно различаться не только в деталях, но и в

расстановке действующих лиц заговора. К сожалению, разделы «Анналов» Тацита об этом периоде утрачены, но в сохранившихся частях имеются отсылки к утерянным фрагментам. Так, например, Тацит называет главным действующим лицом Komplota Валерия Азиатика (*Ann. 11. 1*) и, кажется, Каллиста (*Ann. 11. 29. 1; 12. 1. 3*), роль которых у Иосифа – гораздо скромнее, а Светоний их и вовсе не упоминает. Однако нельзя забывать, что слова Тацита в цитируемом пассаже восходят к окружению враждебной к Азиатикку Мессалины, которая была заинтересована в преувеличении неблагоприятного поведения консулара, от которого уже на тот момент планировала избавиться, пытаясь представить его неоднозначное с моральной точки зрения отношение к предыдущему принцепсу как неуважение к власти вообще. Поэтому в рассказе непосредственно о самом убийстве Калигулы Тацит отводил ему, скорее всего, более скромную роль. Таким образом, это противоречие легко устраняется.

³⁸ Урс после разлада с Домицианом в 83/84 г., кажется, примирился с ним и в 90-х гг. снова входил в круг друзей императора (*Collins A.W. The Palace Revolution: The Assassination of Domitian and the Accession of Nerva // Phoenix. 2009. Vol. 63, № 1/2. P. 90*).

JULIUS LUPUS: TRIBUNE OR CENTURION?

© 2021 E.A. Guskov

Moscow City University, Samara Branch

The assassination of Emperor Gaius (Caligula) in January 41 was the prologue to events unprecedented in the history of the Principate. For two days, Rome, seized with the idea of restoring the republic, was under the control of the consuls, the Senate, and the officers of the Praetorian Guard. By the decision of Cassius Chaerea, who was the head of the conspirators, the members of the emperor's family – his widow Caesonia and their daughter – were also killed. The executor of this order was one of the Praetorian officers, Julius Lupus, whom Josephus calls a tribune, but Suetonius calls him a centurion. This article is devoted to this contradiction and its causes.

Keywords: praetorian tribune, praefectus praetorio, Cassius Chaerea, Julius Lupus, prosopography.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-2-45-57